

• МАКС •
МАКСИМОВ

ОБМАНУТЬ
ВСЕЛЕННУЮ

Макс Максимов

Обмануть вселенную

Серия «Фантастика от звезды YouTube»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65061822

Обмануть вселенную: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-112116-7

Аннотация

Двое врачей психиатрической больницы берутся за расследование дела пациента по имени Анс. Его обвиняют в жестоком убийстве, но он упорно не говорит ни о себе, ни о преступлении. Только размытые намеки, которые вызывают все больше вопросов.

Что же случилось той роковой сентябрьской ночью? Анс из будущего, как и утверждает? Кто он вообще такой? Убийца? Психопат? Просто сумасшедший или все-таки жертва? А может, сама вселенная ведет свою, ведомую только ей, игру?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Макс Максимов

Обмануть вселенную

© Максимов М., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Человек из будущего стоял в гостиной загородного дома возле трупа десятилетнего мальчика и рассматривал окровавленный нож в своих руках. Сквозь щель между занавесками в комнату просачивался тусклый свет, кромешную тьму превращая в полумрак. В таком сумраке кровь, растекшаяся по полу из горла ребенка, казалась черной. Мужчина сел на корточки и проверил пульс мальчика, приложив пальцы к его пока еще теплой шее. Мертв. Человек из будущего взял свой портативный кислородный баллон, до этого лежавший на полу, и приложил маску баллона к лицу. Сделал несколько глубоких вдохов, а потом положил сосуд обратно.

Тишину нарушил грохот от удара – полиция выломала замок, входная дверь распахнулась и стукнулась о стену. Человек из будущего подскочил и обернулся к полицейским, выронив нож.

Глава 1

Месяц спустя

На смену очередной мучительной ночи пришел рассвет. Николай проснулся на заднем сиденье своей машины. Он лежал, ощущая прохладу осени, проникающую под одежду. Когда мужчина попытался, облокотившись на сиденье, подняться, в груди кольнуло так, что пришлось снова лечь и еще с минуту не шевелиться, делая неглубокие вдохи. Спазм, вызванный межреберной невралгией, отступил, и Николай медленно сел, уставившись воспаленными глазами в зеркало заднего вида, в котором отражался он – человек, измотанный и замученный, выглядевший в свои сорок лет на все пятьдесят, а то и старше. Возможно, дело было в щетине, возможно в мешках под глазами, а возможно, в кошмарах, паранойе, бессоннице и панических атаках, которые много лет мучили его, Николая – врача-психиатра, заведующего психиатрическим отделением. За покрытым капельками дождя тонированным окном припаркованного автомобиля, служившего Николаю местом для ночлега, шаркал метлой дворник, сметая опавшие золотые листья. Николай тер пульсирующие виски, опустив голову, и глядел на свои кожаные

ботинки, стоявшие возле ног на пыльном резиновом коврике. Немного придя в себя, он обулся и вышел на улицу. Застегнул «молнию» на куртке до конца, но было поздно: озноб уже пробежал по телу, заставив Николая возненавидеть это утро, а заодно и всю вселенную. Мужчина зашагал к подъезду, глядя на мокрый асфальт под ногами.

Николай открыл дверь в свою квартиру, наполненную густым сумраком раннего утра. На мгновение он застыл в прихожей, размышляя, можно ли уже зайти домой или еще слишком рано? Организм не стал противиться, и Николай сделал робкий шаг, потом еще один и снова застыл. Открытая входная дверь придавала ему уверенности, и он, собрав волю в кулак, прошел на кухню и включил свет.

«Если что, выйду», – подумал он, сев за стол.

«Нет, все же еще слишком рано, надо подождать, пока совсем рассветет», – мелькнула мысль, и Николай уже хотел вернуться обратно в машину, но его отвлекла вибрация телефона в кармане куртки, отчего мужчина вздрогнул. Достав телефон, он увидел новое сообщение: «Николаич, доброго. Прости, что в выходной. Ох, у нас сегодня дела! Вчера вечером прибыл новенький. Очень необычный. Ты сегодня нужен. Перезвони, как проснешься».

Николай недовольно вздохнул и набрал номер главврача больницы, в которой работал.

– Да, Андрей Семеныч, – сказал он хриплым голосом.

– Привет, не рассчитывал, что ты сразу перезвонишь. Я

думал, ты дрыхнешь, – раздалось в ответ.

– Бессонница, старею, – вяло произнес Николай.

– Хах, – усмехнулся главврач, – в общем, подробности сообщу на месте. Если коротко, то вчера вечером, как ты уехал, прибыл новый пациент.

– И что? До понедельника не ждет?

– Ты должен это видеть, это очень необычный человек.

– А у нас бывают обычные?

– Коль, на пару часов приезжай, пожалуйста.

– Ох, Семеныч, башка и так квадратная, я скоро сам в пациента превращусь, в необычного.

– Николаич, приезжай. Я не шучу, дело совсем не простое.

– Приеду, приеду. Сейчас только чайку...

– Давай, ты удивишься, когда увидишь его. Это не вписывается в рамки здравого смысла.

– Ох, да кого я только не видел за эти годы.

– Таких не видел.

– Ладно, ладно, Семеныч, давай... фух... только вот проснулся, сейчас... мальчика с мыслями соберусь, чаю бодрящего наверну и жди.

– Все, добро.

– Ага, ага... добро... – недовольно пробурчал Коля.

Звонок начальника отвлек Николая от ужасных созданий, прячущихся в стенах его дома, под кроватью, в шкафу, да и просто постоянно стоящих за его спиной. От тварей, из-за которых он боялся смотреться в зеркало, закрываться штор-

кой в ванне, когда мылся, даже если на дворе был день и дома была Маша. От тварей, желающих схватить его за ногу, когда та свисала с кровати или просто вылезала из-под одеяла (не свисала и не вылезала она по вышеуказанной причине).

Коля быстро позавтракал и выехал.

* * *

Николай работал в закрытой психиатрической больнице, куда отправляли людей на принудительное лечение. Обитателями этой больницы были исключительно мужчины, как персонал, так и пациенты.

Коля миновал двухметровый железобетонный забор с ключей проволокой, махнув рукой охранникам на КПП, и направился к главному входу второго корпуса. В первом корпусе – строгого режима – содержались самые опасные члены общества, в основном убийцы. Находились там люди в палатах, постоянно запертых, под серьезной охраной. Больные сидели по двое, но особо буйных держали в одиночках. У некоторых пациентов в палате не было ничего, кроме матраца. У санитаров там всегда с собой в кармане была кнопка вызова вооруженной охраны, пост которой располагался на первом этаже. Второй корпус, где Николай работал заведующим отделением интенсивной терапии, менее строгий, да и публика там спокойнее, но кнопка вызова охранников у санитаров и врачей тоже была. По сути, из всех двадцати па-

циентов второго корпуса убийство совершили только двое, остальные или просто буйные хулиганы, или насильники.

Николай зашел в здание, поздоровался с очередными охранниками, прошел по холлу приемного отделения и поднялся по бетонной лестнице на второй этаж. В коридоре Коля встретил двоих санитаров – Сашку и Женьку.

– Адам, тебе придется зайти в палату, – вежливо, но настойчиво произнес Сашка, глядя на пациента, который, очевидно, вздумал своевольничать.

– Конечно, Александр, конечно, – надменно произнес пациент, – ты же просишь. Я сделаю, как ты просишь. Сделаю, потому что могу себе позволить так сделать. Если бы не захотел, мог бы стоять тут, сколько мне надо.

– Адам, ты опять у нас выкрутасничать вздумал? – спросил Николай, остановившись возле коллег.

На самом деле Адама звали Юрий Сергеевич и было ему тридцать восемь лет. Младший научный сотрудник какого-то НИИ. Попал он сюда за убийство жены, которая, как он убежден, искушала его. Из-за нее же он и его дети были выгнаны из Эдема и помещены в полуразвалившуюся четырехэтажку на окраине города. За что женщина и поплатилась ударом шестнадцатикилограммовой гири по затылку.

– Да, что-то пошаливает, – сказал Женька, сурово глядя на Адама.

– В строгий корпус хочешь? – спросил Коля у пациента.

– Нет, Николай, что вы, – ответил Адам.

– Для тебя я Николай Николаевич, – строго произнес заведующий отделением, – если хоть одна жалоба на тебя мне поступит, отправишься в строгий. Тебе понятно, что я говорю?

– Да, Николай... Николаевич, – недовольно произнес Адам.

– Иди.

Адам зашел в палату, из которой за этой сценой с любопытством наблюдали еще пятеро пациентов и медбрат.

Николай зашагал по старому обшарканному паркету, вдоль зеленых стен, к концу коридора, где находился кабинет Андрея Семеновича.

В кабинете главврача первым, что всем бросалось в глаза, был огромный Т-образный стол для совещаний, занимавший половину помещения. На фоне желтого потрескавшегося потолка, местами отслоившейся белой краски на стенах кабинета и старых дешевых стульев монументальный дубовый стол смотрелся инородно. Андрей Семенович, сидящий во главе своего стола, оторвал взгляд от ноутбука, когда услышал негромкое «Здравствуйте».

– Забор покрасьте, – улыбнувшись, сказал главврач и добавил: – Садись, – указав рукой напротив себя.

Когда Николай присел, начальник все с той же с улыбкой спросил:

– Коньячка?

– Уф... не, Семеныч, – с отвращением ответил Коля, – ты

давай завязывай с такими предложениями. Еще и с утра...

– Да ладно, чего ты? – настаивал руководитель.

Коля, глядя в морщинистое пухлое лицо своего, видать, уже подпившего шефа, молча помотал головой.

– У меня у внучки день рождения сегодня, вот я с утра и начал, чтоб время не терять.

– Поздравляю. Сколько ей?

– Четыре.

– Здорово, но пить я все равно не буду.

– Ну как хочешь, а я вот... – Главврач вытащил из выдвижного ящика стола бутылку и сделал глоток из горла.

– Ай, хорошо, – сказал он, расплываясь в улыбке, и закусил долькой мандарина, очевидно, лежащего в том же ящике.

– Ты меня обманом вызвал в выходной, чтобы выпить с тобой? – спросил недовольно Коля.

– Что ты, родной, это было бы подло. Нет, конечно. – Андрей Семенович убрал бутылку и задвинул ящик. – Приехало, значит, к нам вчера вечером такое чудо, что даже я диву дался.

– Ну рассказывай.

– Значит, так, – начал главврач, – к нам он прибыл по невменяемости и...

– Убил кого? – спросил Коля.

– Ты не перебивай старших... – Главврач закашлял в кулак, а потом продолжил: – Прибыл, значит, по невменяемости. Да, убил. Убил ребенка. Перерезал горло. Острый слу-

чай. Шизофрения, сопровождаемая массивным систематизированным бредом, – утверждает, что прилетел из будущего.

– Это, по-твоему, удивительно? – Николай усмехнулся.

– Это нет. Удивительно, что в полиции не нашли по нему вообще ничего.

– Нет документов?

– Нет вообще свидетельств его существования до того, как он был пойман на месте преступления. Ни паспорта, ни свидетельства о рождении, никаких следов в соцсетях, ничего и нигде. Отпечатков пальцев в базах тоже нет.

– И что? – со скепсисом произнес Николай. – Это говорит о том, что он жил вне нашего социума, вне системы. Как странствующий цыганский табор, об участниках которого ты также не найдешь информацию.

– Он знает много языков.

– Моя бабушка тоже знала много языков.

– Сколько?

– Сколько? Не знаю, много. Штук семь точно, может, шесть...

– Колян, когда встретишься с ним, не забудь про языки спросить. Просто спроси у него любое слово на любом языке или фразу.

– Ладно, спрошу. А как вы поняли, что он знает языки?

– По радио играла песня на итальянском, он начал ее переводить нам. Ну я и спросил, какие он еще знает языки, он

сказал, что любые. Потом началась игра в переводилки – сотрудники и пациенты говорили ему предложения, а он переводил их на разные языки.

– А вы уверены, что он не от балды произносил слова на манер какого-нибудь языка, как бы имитируя его, а вы и поверили?

– Нет, я проверил через онлайн-переводчик некоторые фразы.

– И все же языки можно выучить.

– И еще! Он ходит со своим кислородным баллоном. В зале суда у него его отняли, и он спустя сколько-то часов, я не уточнил сколько, потерял сознание. Врачи подтвердили, что это была не симуляция. Его привели в чувство и вернули баллон, он подышал из него и полностью оклемался.

– Он сказал, зачем убил того мальчика? – спросил Коля.

– Нет.

– По сути, знание огромного количества языков – единственная необъяснимая странность?

– Да.

– Семеныч, из-за этого ты так переполошился и вызвал меня в субботу утром?

– Просто пообщайся с ним, и ты сам поймешь.

– Хорошо. Он не буйный?

– Нет, наоборот – вежливый, учтивый.

– В какой он палате?

– В седьмой.

– Ну что ж, пойду тогда пообщаюсь. – Николай уже собрался встать из-за стола, но Андрей Семенович поднес к уху телефон и произнес:

– Погоди... Санька, – спустя несколько секунд сказал в трубку главврач, – Санечка, дорогой мой, приведите с Женькой мне в кабинет нашего нового гостя из будущего... Ага, добро, – добавил руководитель и выключил телефон.

Николай с недоверием смотрел на своего начальника, который, казалось, сиял от радости, предвкушая, как должен удивиться его младший товарищ. Солнце к этому времени поднялось, и лучи сквозь оконное стекло падали на сторону главврача, будто разделив комнату на светлую, пьяную, сияющую половину, во главе которой находился пожилой жизнерадостный круглолицый Андрей Семенович, и на мрачную – с сидящим в тени Николаем, угрюмым, серым, оскверняющим своим недовольным видом прекрасное осеннее утро.

– Имя у него хоть есть? – спросил Коля и, почувствовав, как тяжелеет его тело, ссутулился, облокотился на стол и подпер кулаком щеку.

– Анс, – ответил главврач.

– Анс? – удивился Николай.

– Да, он сказал, что его зовут Анс.

– А фамилия, отчество?

– Он сказал, что у них нет фамилий и отчеств.

Через несколько минут, в течение которых Андрей Семе-

нович успел еще разок приложиться к коньяку, в дверь постучали.

– Да, да, – произнес главврач.

Николай успел представить себе Анса крепким, сурового вида человеком, способным на убийство ребенка, пусть и в невменяемом состоянии. Но спокойным и учтивым со слов главврача. Представление Коли рассеялось, когда щуплый, невысокого роста пациент зашел в кабинет. Сутулый, лысый, с большими детскими карими глазами и смуглой кожей, Анс неловко улыбнулся. В руке он держал небольшой кислородный баллон. Одет новый обитатель психиатрической больницы провинциального городка был в черные брюки и серую водолазку. На вид ему было лет сорок. Слева и справа от Анса стояли санитары – Сашка и Женька, оба на голову выше пациента и шире его раза в два.

– Присаживайтесь, – сказал Андрей Семенович.

Анс прошел по кабинету и сел за Т-образный стол напротив Николая. Сашка и Женька остались стоять, прислонившись к стене возле двери.

– Это Николай Николаевич, – главврач указал рукой на Колю, – заведующий отделением и ваш лечащий врач.

– Очень приятно, меня зовут Анс. – Мужчина кивнул, а потом сделал вдох из баллона.

– А это вам для чего? – спросил Коля, рассматривая баллон.

– Для насыщения крови кислородом, во избежание слабо-

сти и потери сознания, а впоследствии и смерти. – Анс произносил каждое слово четко, делая необходимые паузы в тех местах, где должны быть запятые. Голос его показался Николаю чуть ли не дикторским.

– Вам мало кислорода в помещении? – спросил Коля.

– Мало.

– У вас гипоксия?

– Нет.

– Почему же вам тогда не хватает кислорода?

– Потому что в моем времени атмосфера Земли имеет другие соотношения кислорода и азота. В вашей атмосфере примерно двадцать процентов «о два», в моем же времени его чуть более тридцати процентов.

– И из какого же года вы к нам прилетели? – спросил Николай.

– По нашему календарю из тринадцать тысяч тридцать пятого. Но наше летоисчисление никак не связано с вашим. Объективная разница между сегодняшним годом и годом, из которого я отбыл, составляет более пятидесяти тысяч лет.

– Зачем вы прибыли в наше время?

Анс попытался сказать что-то, но из его уст вылилось лишь нечленораздельное мычание. Казалось, его начало подташнивать.

– С вами все в порядке?

– Да.

– Тошнит?

– Нет.

– Так зачем вы прибыли сюда из будущего?

– Я не смогу сказать, даже если захочу.

– Почему?

– Очевидно, потому, что эта информация, попав к вам сейчас, в дальнейшем создаст какой-то парадокс.

Николай переглянулся с Андреем Семеновичем.

– Анс, как вы думаете, у вас есть какое-либо заболевание? Как вы вообще себя чувствуете?

– Не считая того, что меня держат тут насильно, и не считая того, что ваша атмосфера мне не совсем подходит, я чувствую себя хорошо. И еще очень неудобно просыпаться ночью, чтоб подышать из баллона.

– А вы понимаете, где вы находитесь?

– Да, в психиатрическом стационаре закрытого типа.

– Вы можете рассказать о себе? Кто вы по профессии?

– Путешественник во времени.

– Это такая профессия?

– Да.

– И в каком же вузе готовят таких специалистов?

– Вузе?

– Да, вуз – высшее учебное заведение, институт, университет. Вы заканчивали что-то по вашему профилю?

Анс снова попытался что-то сказать, но челюсть его неестественным образом съехала чуть набок, и он запнулся.

– Не получается. Значит, нельзя, – произнес человек из

будущего.

– Нельзя сказать? – спросил Николай.

– Да. Обо всем, что связано с путешествиями во времени, говорить нельзя.

– Вам кто-то не дает ответить на мой вопрос?

– Да.

– Кто?

– Вселенная.

Николай вздохнул:

– Анс, а как бы вы описали свою работу? В чем смысл путешествий во времени?

– Создание будущего.

– В каком смысле?

– Совершая поступки в прошлом, мы меняем будущее.

– И вы путешествуете по временам, меняя прошлое?

– Да.

– Зачем вы к нам прибыли – вы не хотите говорить?

– Дело не во мне, дело во вселенной.

– Она не дает вам сказать?

– Да.

– А можете поподробней рассказать, как и почему она не дает вам говорить?

– Попав в прошлое, я не могу делать многие вещи. Абсолютно разные и не связанные между собой. Сама вселенная не позволяет. Это ее фундаментальный закон. Например, попав в недалекое для себя прошлое, я не смогу подой-

ти к своему отцу и убить его, ведь тогда я не появлюсь на свет. Убийство отца вызовет парадокс. Вселенная не позволит мне совершить это. По такому же принципу я не могу рассказать вам, зачем я тут, очевидно, в будущем это вызовет какой-то парадокс. Я не могу знать, какой именно, ведь у каждого действия, совершенного в прошлом, огромное количество исходов в будущем. Парадоксы вселенная исключает, влияя на нас, путешественников во времени.

– Когда вы так заикаться начинаете, это вселенная вам не позволяет что-то рассказать нам?

– Да.

– А если вы совершите какое-нибудь движение, которое вызовет парадокс? Ну например, облокотитесь на подоконник, случайно столкнете в окно цветочный горшок, который упадет на голову вашему отцу и вы не родитесь. Как вам вселенная помешает столкнуть горшок?

– Я просто упираюсь в невидимый барьер, в невидимую стену, и она не пускает меня к горшку, который может упасть на голову моему отцу или какому-либо другому предку.

– А если в это время вас сзади кто-то толкнет на эту стену, вы так же будете упираться в нее?

– Я не знаю, таких случаев не было.

– Если вы родились спустя пятьдесят тысяч лет относительно нашего времени, то сейчас, очевидно, по земле ходит куча ваших предков?

– Именно так.

– И если кто-то из них умрет по вашей вине, вы измените будущее, создадите парадокс, подобно тому, как если бы вы сами, вернувшись в прошлое, убили своего отца или деда?

– Да. Или прадеда, или прапрадеда, или прапрапрадеда, или прапрапрапра...

– Я понял, хватит, – перебил пациента Николай, – значит, вселенная рассчитывает ваши действия в нашем времени, не давая совершить что-либо, что может в итоге привести к смерти одного из ваших предков и тем самым создать парадокс?

– Вы все верно поняли.

– Анс, если вдруг вы наткнетесь на такую невидимую стену, о которой вы рассказали и которая не пускает вас, позовите меня? Я был бы рад увидеть, как это все происходит.

– Конечно.

– Анс, а вы понимаете, почему вы тут?

– Да. Ваше правосудие считает, что я убил ребенка. Меня признали сумасшедшим.

– А вы его не убивали?

– Я не могу ответить.

– Про языки! Про языки спроси, – задорно произнес подпивший Андрей Семенович и потер ладони, невзирая на то, что разговор давно перетек в серьезное русло.

– Анс, мне сказали, что вы разговариваете на всех языках? – спросил Николай.

– Не на всех, но на многих из вашего времени, – ответил

пациент.

– Анс, – вмешался в диалог Андрей Семенович, – скажите нам, пожалуйста, как будет по... – главврач задумался, – по-тайски фраза: «Я съел свои башмаки».

– Кон кин ронтао хонг кон, – тут же произнес Анс.

– Вот! Вот смотри, Николаич. – Андрей Семенович протянул Коле смартфон с фразой «Я съел свои башмаки» в переводчике в графе «русский язык». Слева от фразы на русском Коля прочитал тайский вариант в виде транскрипции – как раз то, что произнес Анс.

– Ну ты видел? А? Во дает! – не скрывая детского восторга, сказал главврач и попытался достать бутылку коньяка из ящика стола, но вовремя остановился, осознав, что при санитарях пить не стоит.

– А давай-ка по-японски... сейчас, придумаю... – продолжал Андрей Семенович, – давай-ка такое: «Это лето оказалось паршивым». Анс, переведите, будьте любезны.

– Коно ка ха осоматсу датта, – сказал Анс.

Андрей Семенович забил эту фразу в переводчик и снова сунул телефон под нос Николая.

– Ну да, – спокойно произнес Коля, – знает, знает.

– Он даже на маори переводил нам! – сказал главврач.

– Анс, сколько языков вы знаете? – спросил Николай.

– Сейчас сорок четыре, – ответил необычный пациент.

– Сейчас? Вы надеетесь еще выучить?

– Я ничего не учил.

– А откуда знания?

– Перед путешествием сюда мне загрузили в память основные языки вашего времени.

– На маори у нас мало кто говорит. Это редкий язык. За чем он вам?

– Возможно, маори случайно попал в пакет языков. Наши сотрудники тоже совершают ошибки. Все мы люди...

– Какие сотрудники?

– Сотрудники нашей организации.

– Организации по путешествиям во времени?

– Да.

– И много у вас сотрудников?

– Много. Несколько тысяч.

– И чем они заняты?

– Каждый своим делом. Кто-то вычисляет исходы изменений прошлого. Кто-то путешествует, меняя реальность. Кто-то обслуживает технику. Кто-то занимается организацией и бухгалтерией.

– Все прямо как в наших структурах современных, – подметил Семеныч.

– А вы знаете, как вычисляют исходы изменений прошлого? – спросил Коля.

– Нет. Знаю только, что в этом участвует самый сложный квантовый компьютер. Человек – лишь оператор.

– А много таких, как вы, путешественников в вашей организации?

– Человек двадцать.

– Так мало.

– Основные силы и люди идут на вычисления изменений.

– Анс, вы прибыли сюда, чтобы убить того ребенка и как-то изменить будущее?

– Я не смогу ответить, вселенная не даст.

– Вы не можете ответить на конкретно этот вопрос, но, может, я задам какие-нибудь другие, наводящие?

– Попробуйте.

– Смерть мальчика изменит будущее?

– Да, любая смерть или рождение изменяют будущее.

– Вы хотели изменить будущее, как-то используя этого мальчика?

– Да.

– И у вас не вышло?

– Да.

– Вы хотели спасти мальчика?

Анс на мгновение напряг лицевые мышцы.

– Не получается сказать, я бы хотел ответить, но она не дает, – произнес пациент.

– Какой парадокс может появиться, если мы узнаем правду?

– Я не знаю, надо вычислять. Мы не вычисляем каждые блокировки вселенной. Мы покорно принимаем их. Если вселенная не дает совершить какие-то действия, значит, так надо. Нет смысла пытаться понять.

Анс положил руки ладонями на стол, и Николай заметил, что у пациента отсутствуют ногти. И их не вырвали. На том месте, где должна быть ногтевая пластина, не было шрамов. Очевидно, как подумал Николай, Анс родился с таким дефектом.

– Что с вашими руками? – спросил Коля.

– А что с ними? – Анс с непониманием принялся рассматривать свою руку.

– У вас нет ногтей.

– А зачем они? – спросил человек из будущего.

– Зачем? – Николай на мгновение задумался. – Эволюционно так сложилось. Наши предки активно пользовались ногтями.

– По той же причине у нас их теперь и нет, – ответил Анс, продолжая рассматривать свою руку.

– Вы хотите сказать, что они исчезли у вас в результате эволюции?

– Ногти, аппендикс, зубы мудрости, волосы на голове и гениталиях – всего этого нет у современного мне человека, – произнес Анс, и Николай впервые увидел его белоснежную улыбку.

«Виниры. Фарфоровые или керамические. Настоящие зубы не могут быть такими белыми», – подумал Коля.

– Анс, а сколько вам лет? – спросил Николай.

– Сто семьдесят три, – ответил гость из будущего.

– Николай, – снова вмешался Андрей Семенович, – да-

вай дальше наедине продолжим, вы с Ансом еще не один час проведете за беседами.

– Да, хорошо, – сказал Коля.

– Ребятушки, – обратился главврач к санитарам, – проводите, пожалуйста, Анса в его палату.

– Приятно было познакомиться, Николай Николаевич, – сказал Анс.

– И мне тоже. Можете называть меня просто Николай, без отчества.

Как только Анс вместе с санитарями покинули кабинет, Андрей Семенович тут же приложился к бутылке с коньяком, сделав два больших глотка.

– Вот такой вот пациентик. Хоть что-то интересное, а то все одно, все одно – скука, – сказал главврач.

– Семеныч, вам шестьдесят лет, а все как... – оборвал свою фразу Николай.

– Что «как»?

– Да как ребенок, ей-богу, – усмехаясь, сказал Коля, – вот не мог после работы пить начать?

– А я большой ребенок. Кто мне что скажет? А? Никто. Скучно мне, Коленька, жить. – Андрей Семенович осоловевшим взглядом смотрел куда-то сквозь собеседника.

– Как его поймали?

– Кого?

– Меня! Кого, кого, Анса, конечно.

– А... иди-ка сюды. – Семеныч уставился куда-то под

стол. – Мандаринка, – сказал тихо главврач, отрывая дольку, – мандаринка, прыгай в рот... Так... поймали как? Полиция поймала на месте преступления.

– А кто их вызвал?

– Вызвал? Соседка. Вообще я не знаю подробностей, я разговаривал с Иванычем, так он мельком рассказал, на рыбалке когда сидели, что соседка услышала крики ребенка и в окно увидела, как Анс... то ли убивает, то ли уже убил, то ли держит ребенка, я не помню, да я и не вникал. Это их дела судебные, не мои.

– Бред слишком структурированный у него, – произнес Коля.

– У Иваныча?

– У Анса! Семеныч, ты давай завязывай, тебя заметят и накачают жалобу.

– А мне плевать, Коленька, я вообще уже на пенсию хочу. Устал я тут, утомился за годы. Уйду на пенсию и поеду путешествовать, искать приключения на свою задницу седую.

Андрей Семенович снова вытащил из ящика бутылку.

– Если бы не признали его невменяемым, то что грозило? – спросил Коля.

– Высшая.

– Высшая? Ого... даже не пожизненно...

– Высшая, высшая, – главврач отпил из горла, – на органы бы пошел. А что, думаешь, обманул он всех?

– Нет, не думаю, – ответил Коля.

В две тысячи тридцатом году все цивилизованные страны вернули смертную казнь для особо опасных преступников. Донорские органы казненных моментально разлетались по миру нуждающимся людям.

– Может, все же выпьешь?

– Нет.

– Знаешь, Коля, я должен признаться тебе кое в чем.

– В чем?

– Я виноват перед тобой.

– Виноват? В чем?

– Я понимаю, что я не самый лучший руководитель и не лучший товарищ. Я понимаю, что, что я...

– Семеныч, давай прямо, что такое?

– Я тебя вызвал на самом деле, чтоб выпить вместе. Прости. Но! Анса показать я тоже хотел! Но выпить все же в первую очередь.

– А я так и знал.

– Ну раз уж ты тут, то на... – Главврач протянул бутылку Николаю.

– Семеныч, я тебе еще нужен сегодня тут? Роль собутыльника не рассматривается, – серьезно сказал Коля.

– Лечение надо назначить, но, наверно, можно и в понедельник... а! И ознакомиться с историей болезни... хотя с чем знакомиться-то, его же не было... он же прилетел, – запинаясь, сказал главврач.

– Я пока не совсем понимаю картину, слишком он адек-

ватно бредит. Список анализов напишу, за выходные сделают все, в понедельник будем разбираться. Мне надо сегодня в автосервис переобуться и к зубному по записи.

– Ну ладно... – Семеныча, похоже, к этому моменту совсем развезло, – давай, дружище, отваливай, отваливай, бро-сай старика одного в беде...

Николай ничего не сказал. Лишь махнул начальнику, выходя из кабинета.

* * *

Когда Николай переступал порог квартиры после того, как он расстался с Машей, сердце его начинало биться чуть сильнее. Попытки Николая сохранить отношения были вызваны не глубокими чувствами к девушке, а скорее страхом остаться одному. В прямом смысле остаться одному в квартире, особенно когда наступала ночь. Сегодня, двадцатого октября, когда в шесть вечера уже стемнело, Николай осторожно зашел домой, включил свет и взгляделся сначала во мрак кухни, пытаясь увидеть там неизвестно какую хтонь, а потом во тьму гостиной. Убедившись, что на него никто не смотрит в ответ, он повесил куртку на крючок, разулся и замер, снова вглядываясь в сумрак квартиры. Ему показалось, на кухне было какое-то движение. Прикрыв входную дверь (но ни в коем случае не запирая на ключ), он прокрался до настенного выключателя и включил свет на кухне. Никого.

В семь часов вечера после ужина мужчина сел на диван в гостиной и начал смотреть юмористическое шоу, чтоб как-то отвлечься от гнетущих мыслей. Во всей квартире горел свет, даже в туалете с ванной, и Николай, изредка усмехаясь шуткам с телеэкрана, на какое-то время смог расслабиться. Если быть точным, то расслабился он на час двадцать пять, потому что ровно в восемь двадцать пять на кухне скрипнула дверь. Мужчина недавно смазал все двери и окна в доме, чтоб случайный скрип не запустил паническую реакцию в его сознании, но какого-то хрена (а именно так он выразился) с кухни все же раздался этот противный звук. Николай бросил взгляд на окно в надежде, что это сквозняк, но оно было закрыто.

«Может, на кухне не закрыл», – подумал он, пытаясь убедить себя в том, что причина скрипа – это обычное явление, вызванное ветром, но мозг противился признавать рациональное. Сам Николай был убежденным атеистом, вот только сознание атеиста сформировалось в теле, неадекватно реагирующем на скрипы, шорохи и стуки.

«Конечно же, это барабашка! – сигнализировало Николаю тело. – Только барабашка, и ничто больше! Ну или еще какой дух. Или демон. Но только не сквозняк».

И никак не получалось у Николая логикой развеять это мракобесие, таившееся внутри него. Никак он не мог обмануть свой организм и заставить его спокойно реагировать на темноту, на одиночество ночью в помещении, на шорохи и

стуки, которые являлись обычным делом в многоквартирном доме.

В детстве эта проблема не казалась ему такой серьезной, ведь всегда с ним был кто-то из родителей. Когда родители погибли, Николай уже жил с Машей и по этой причине опять же не оставался один на ночь. За всю свою сорокалетнюю жизнь он не припомнит дня, когда переночевал бы один в квартире, – всегда кто-то был рядом. Но Маша ушла. Ушла к другому, и самое интересное, что, когда Николай узнал об этом, первая его мысль была такая: а как же я теперь буду один ночевать? За первой мыслью шла вторая: кто этот другой? Маше, конечно же, первую мысль он не озвучил, а начал со второй. Девушка сказала, что не важно, кто он, что она все решила и, в общем, до свидания, Коля. Сейчас Николаю было стыдно за то, что он пытался вернуть ее первое время, несмотря на то что она изменила. Но он понимал, что Маша нужна, чтобы он мог спокойно жить дальше, не ночуя в машине и не пугаясь каждого скрипа по вечерам. Плевать на ее любовника, пусть хоть тысячи заведет, лишь бы кто-то жил с ним и не оставлял в одиночестве. Вернуть Машу не вышло. Поднявшись с дивана, Николай стал красться на кухню, понимая, что никого там не увидит, как это всегда и было, но организм его противился здравому смыслу. Сознание Николая рисовало жуткое лицо, которое выглянет откуда-нибудь с нижней полки кухонного шкафчика, растянет улыбку, оскалит зубы и засмеется или спросит что-нибудь.

Как и следовало ожидать, на кухне никого не было. Никаких домовых или духов, но и окно при этом было закрыто. Николай, скованный страхом, постоянно ощущая кого-то за спиной, куда бы он ни повернулся, стоял в центре кухни и пытался делать дыхательные упражнения, чтобы успокоиться.

«Ничего этого не существует. Я это прекрасно осознаю. Если бы что-то сверхъестественное существовало, это давно бы всплыло, все бы в мире знали, а фонд Джеймса Ренди обеднел бы на один миллион. Так что это просто реакция моей нервной системы».

Когда дрожь в руках утихла, он снова окинул взглядом кухню и вернулся в гостиную.

«Какой же позор. Если кто на работе узнал бы об этом... позорище... Взрослый мужчина...»

Коля сел на диван и снова уставился в телевизор, но никак не мог сосредоточиться на передаче. Слева и справа ему мерещились какие-то движения. То будто мышь по полу пробежит, то что-то пролетит – и все сбоку да сбоку.

Кое-как держа себя в руках, он пробыл в квартире до девяти вечера. Летом, когда на улице в это время еще светло и полно народу, он мог спокойно находиться дома вплоть до одиннадцати, и только потом начинались приступы паники. Но сейчас, в октябре, в их небольшом городе за окном было темно и безлюдно, и страх начинал закрадываться в душу Николая примерно с восьми вечера.

Следующий час он провел как на иголках, сдерживая позыв выбежать из квартиры. Потный, с красным из-за подскочившего давления лицом, Николай вжимался в кресло, вцепившись руками в подлокотники. Мелькающие слева и справа тени и непонятные силуэты начали сводить мужчину с ума. Он держался из последних сил, ведь в прошлый раз он смог пробыть дома аж до одиннадцати вечера!

«Еще часик посидеть, и все. И новый рекорд».

Вдруг в сознание Николая закралась мысль, что сейчас кто-то сидит и смотрит на него с потолка. От этого у него закружилась голова. Страх сковал его так, что он еле-еле смог поднять взгляд, в ужасе ожидая увидеть прямо над собой ужасного демона, смотрящего на него желтыми или черными глазами.

На потолке никого не было. Вдруг телевизор, прервав вещание, показал сетку настройки каналов, и противный писк из динамика разлетелся по гостиной. Николай вскочил с дивана и пулей вылетел в подъезд. Стоя возле лифта, он отдышался, огляделся, нет ли кого на соседних лестничных пролетах. В подъезде он высматривал уже не монстров и демонов, а людей, которые могли бы счесть его сумасшедшим. Осмотревшись и убедившись, что никого нет, Коля медленно подошел к распахнутой в квартиру двери. Не заходя внутрь, он дотянулся до ботинок с курткой, схватил одежду и тут же отпрянул. Обулся Коля, сидя на ступенях. Как раз в этот момент разъехались двери лифта и оттуда вышел

сосед – военный на пенсии, живущий в квартире напротив.

– Привет, Колян, ты чего тут сидишь? – спросил мужчина, разглядывая возбужденного Николая.

– А... да... – запинаясь Коля, – вот собрался в магазин сходить, и что-то кольнуло в груди.

– В груди? Может, сердце?

– Не, все, уже прошло.

– Ну, ты же врач, ты там у своих-то поспрошай, а то у меня был знакомый в армии, и тоже так кололо, кололо, а потом помер.

– Инфаркт?

– Не, его машина сбила. – Сосед залился раскатистым хохотом.

Николай улыбнулся.

– Ладно, не болей, – сказал сосед и направился к своей квартире.

Все выходные Николай ночевал в машине. В ночь с субботы на воскресенье он попытался побить свой рекорд и досидеть до полуночи, но в итоге в одиннадцать выбежал из квартиры. С воскресенья на понедельник он даже не стал пробовать остаться дома как можно дольше. В восемь вечера он расположился на заднем сиденье своего авто и заснул. Ночью были первые заморозки, и Николаю пришлось завести машину и включить обогреватель. С завтрашнего дня придется отъезжать подальше от дома, чтоб никто из знакомых не увидел его спящим в авто, ведь заведенное каждую ночь

транспортное средство, стоящее у подъезда, рано или поздно вызвало бы кучу вопросов у любопытных соседей.

Глава 2

Кабинет у Николая был не таким большим, как у главврача, но зато в отличие от обители Андрея Семеновича у Николая в кабинете стояли холодильник и микроволновка. Коля не ел в общей столовой для персонала, а носил еду с собой.

Заведующий отделением, сидя за рабочим столом, рассматривал снимки головного мозга Анса.

– Как мои анализы, доктор? – раздался голос гостя из будущего, стоявшего в дверях кабинета. Коля перевел взгляд со снимков на Анса и увидел за его спиной санитару Женьку.

– Анализы в порядке, – произнес Николай и положил снимки на стол рядом с результатами анализов крови и мочи пациента. – Заходите, садитесь, – произнес он, указывая на стул напротив себя.

– Теперь, очевидно, вам надо начать лечить меня? – присев, сказал Анс.

– Я тут постою, можно? – спросил Женька из коридора.

– Да, конечно, – ответил санитару Николай, а потом обратился к Ансу: – Где вы родились?

– Беблаисау, Летракс, – ответил Анс.

– Это название города? Страны? Планеты? – спросил Николай, глядя в неестественно большие, круглые глаза Анса.

– Беблаисау – это моя страна, – сказал Анс, – она расположена на месте вашего Египта, а Летракс – это столица.

– И что же случилось с Египтом?

– После ледникового периода, который начнется через двадцать семь тысяч лет с момента нашего сегодняшнего разговора, почти все люди северных широт переместятся жить ниже двадцатой параллели северной широты. Карта мира частично перекроится, и многие ее названия будут изменены.

– Наверно, страшная война начнется, если миллиарды людей хлынут на юг, спасаясь от ледника?

– Нет, что вы, Николай, в будущем подобная проблема решится без военных конфликтов.

– Сложно представить, – усмехнулся врач.

– Человеку с вашим мышлением, да, такое представить не просто сложно, а скорее невозможно.

– Анс, а вы понимаете, что вам грозила казнь?

– Да.

– Вы знаете, что вас бы усыпили, а ваши органы ушли бы нуждающимся?

– Я знаю.

– Вам сильно повезло, что вас признали невменяемым.

– К чему вы об этом говорите?

– Анс, а вы можете как-нибудь доказать мне, что вы и правда из будущего?

– Да, но пока еще не пришло время.

– А когда оно придет?

– Когда-то придет.

– Вы можете передать нам какие-нибудь технологии из вашего времени?

– Нет. Вы, видимо, не совсем понимаете, что я вам говорю.

– Что я не понимаю?

– Даже если я мог бы передать вам технологии, если бы я знал, как устроены наши сложнейшие устройства, то это вызвало бы множество парадоксов. С большой вероятностью, используя технологии будущего, вы первым делом начнете делать оружие. Это приведет к новым войнам и смертям тех, кто не должен погибнуть из-за моего вмешательства.

– Понятно... Анс, я бы хотел поговорить о том мальчике.

– Спрашивайте, я отвечу на все вопросы, на которые она позволит ответить.

– Она?.. А... хм... вселенная, да. Так, мне сказали, что полицию вызвала соседка, которая заглянула в окно и увидела вас и мальчика.

– Она врет.

– Врет? Зачем ей врать?

– Я не смогу сказать.

– Так вы знаете, почему она врет?

– Конечно. Но я не могу вмешиваться.

– Но если она врет, то не следует ли из этого, что вас собирались подставить?

– Николай, зачем вы ведете себя так, будто хотите помочь мне?

– Потому что моя задача помочь вам.

– Пока что мне не нужна помощь. – Анс сделал вдох из баллона.

– Вы считаете, что контролируете ситуацию? Что все идет по плану?

– А что не так?

– Ну, хотя бы то, что с большой вероятностью вы проведете остаток жизни в этой больнице.

– Это невозможно. Скоро я вернусь в свое время.

– И когда же вы собираетесь вернуться?

– Я думаю, через пару недель меня вернут.

– Ваши коллеги из будущего?

– Да.

– А зачем ждать? Что мешает вам вернуться прямо сейчас?

– После каждого полета требуется перезапуск машины времени. Подготовка занимает один-два месяца.

– А если вдруг... – Николай попытался снова задать вопрос, но Анс перебил его:

– Эти часы точные? – Пациент указал на круглые белые настенные часы, висящие за спиной врача.

– Часы? – Николай посмотрел через плечо. Стрелки на циферблате показывали без десяти двенадцать дня. – Да, точные, у нас все по расписанию делается. Часы в больнице везде точные. А что?

– Я бы посоветовал Евгению, дежурящему за дверью, вер-

нуться в палату. Александр один не справится.

– Не справится с чем? – без какого-либо удивления спросил Николай.

– С одним из пациентов.

– Я не понимаю, что вы имеете в виду?

За дверью раздались крики и ругань. Женька заглянул в кабинет и протараторил:

– Я сейчас, сейчас вернусь, там Адам буйнит! Свяжем и вернусь!

Николай вскочил из-за стола и быстро вышел в коридор. В противоположном конце по полу катался Адам, а Сашка никак не мог подступиться к нему, чтоб связать. Пациент орал, махал руками и ногами. Спустя пару секунд подоспевший Женька навалился на Адама, а Сашка принялся связывать конечности пациенту. С лестничного пролета в коридор влетела охрана, но к этому моменту потасовка практически закончилась, и Женька жестом показал, что все хорошо, помощь не нужна.

Николай, стоя в коридоре, удивленно уставился на Анса, все так же сидящего в кабинете. Гость из будущего никак не отреагировал на шум и драку, если, конечно, это можно назвать дракой. Николай вернулся в кабинет. Не сводя глаз с Анса, дошел до своего кресла и сел.

– Как вы узнали?

– Просто запомнил, – спокойно произнес Анс.

– Что значит «просто запомнил»? – Николай слегка повы-

сил голос.

– В расчетах этого исхода на сегодня это самое знаменательное событие, вот я его и запомнил, – сказал Анс.

В кабинет заглянул Андрей Семенович. Трезвый.

– Коля, пойдем, надо поговорить насчет Адама. Я думаю, надо его в строгий. Все, край. Хватит. И так много чести ему, – серьезно произнес начальник.

– Да, Семеныч, сейчас подойду, – сказал Николай.

– Анс, я вас сегодня еще вызову сюда.

– Конечно, Николай.

* * *

Андрей Семенович не на шутку разозлился на очередную выходку Адама. Буйный пациент и так славился своим непростым нравом, а тут еще, как выразился главврач, куврыкаться вздумал. Николай за шестнадцать лет работы в лечебнице (а попал он сюда в двадцать три года, сразу после института) всего пару раз видел, чтоб его начальник злился. Андрей Семенович был максимально уравновешенным и спокойным человеком, хотя, возможно, сегодня его мучило похмелье, и Адам попал под горячую руку.

– В строгий надо его, Коля, – повторил главврач, когда Николай зашел в его кабинет, – что думаешь?

– Я что думаю? Так ты же главарь, – улыбнувшись, сказал Коля, – если решил, значит, надо.

– Решить-то решил, но посоветоваться хочу. Так что скажешь?

– В идеале, чтобы весь корпус наш в строгий уехал бы, а мы бы тут сидели да кайфовали на зарплате.

– Чего ты кривляешься, я ж тебя серьезно спрашиваю.

– Если серьезно, то я думаю, что чем меньше у нас тут таких, как Адам, тем проще работать и жить.

– Во-о-от, – протяжно произнес главврач, – и я о том.

– Знаешь, я тут странность заметил. – Коля сел за стол.

– Какую?

– Анс, перед тем как началась потасовка в коридоре с Адамом, сказал мне, что-то типа, я точно не помню... В общем, чтоб Женька пошел в палату помочь Сашке.

– В смысле?

– Он как будто знал о том, что Адам начнет вот это вот все.

– То есть Анс знал заранее?

– Получается, что да.

– Вот скотина. Сговорились! – Андрей Семенович шлепнул рукой по столу. – Этот балбес нашему гостю из будущего сказал, мол, давай я в такое-то время устраю цирк, а ты за минуту сообщишь врачу, что будущее знаешь! Больные еще, называется! Слабоумные, значит, ага! Обоих в строгий отправим. Нам тут мятежи не нужны.

– Погоди ты, нет. Не так все было.

– А как? Если ты говоришь, что Анс заранее сказал тебе.

Ну ладно с языками поиграли, удивил он нас, но тут можно это объяснить, выучил, память феноменальная. Но заранее знать про Адама он не мог. А если знал, значит, сговорились они! Ну или, Коленька, наш Анс видит будущее.

– Семеныч, ты чего такой сегодня громкий? Я прямо тебя не узнаю.

– Да ничего, так, дура эта моя, устроила мне вчера... ой ладно. Выпил в кои-то веки, а она давай мозги мне сверлить.

– Супруга, что ли?

– Ну да. И утром сегодня... Голова болит, а она все ходит, ходит и льет на меня изо рта своего. Хотелось просто удавить ее. Видит же, что человеку плохо, и все зудит, зудит... в общем, ладно, не важно... это я так... сам зудеть начал уже. Так! Анс! Анс или видит будущее, или сговорился с Адамом. Ну или ты что-то не так понял.

– Может, и не так понял, – Коля задумался, – не надо Анса в строгий.

– Ты помнишь точно, что он тебе сказал?

– Нет. Мне, наверно, показалось. Скорее всего он услышал шум в коридоре и только потом сказал, чтоб Женька шел помочь Сашке.

– А Женька где стоял? В кабинете у тебя?

– В коридоре.

– И что, Женька сам не видел – надо ему идти помогать Сашке или нет?

– А я откуда знаю, что там видел Женька? Семеныч, не

надо Анса в строгий, я уверен, что они не стоваривались с Адамом.

– Ладно. Не надо так не надо.

– Пойду я перекушу, – сказал Коля, – чаю не хочешь? У меня эклеры остались.

– Нет, рано еще, позже.

* * *

Николай сидел в своем кабинете и пил чай, пытаясь воссоздать в памяти слова Анса перед тем, как Адам начал бунить. Врач был уверен, что Анс знал об этой ситуации заранее.

«А потом он сказал, что в расчетах этого исхода это событие самое заметное сегодня. Это он что имел в виду? – думал Николай. – Они там рассчитали что-то, и он знал исход дня, исход утра? Нет, это невозможно».

Николай пригласил Анса прогуляться по внутреннему двору больницы, который представлял собой территорию пятьдесят на пятьдесят метров, огороженную трехметровым бетонным забором с колючей проволокой. Вдоль забора по всему периметру простирались дорожки из брусчатки, с расставленными через каждые метров десять лавочками, а в центре дворика стояло несколько беседок. Гулять тут можно было три раза в день в отличие от строгого корпуса, в котором прогулки происходили один раз перед ужином, под

строгим присмотром вооруженной охраны. Здесь тоже была охрана на улице, но в отличие от силовиков строгого корпуса, которые глаз не спускали с пациентов, двое местных охранников спокойно сидели и курили на лавочке, изредка окидывая взором это подобие парка.

Анс и Николай вышли из больничного корпуса во двор. До дневной общей прогулки осталось еще около часа, поэтому дворик был пуст, если не считать охранников. Врач не пожалел, что накинул ветровку поверх белого халата: осенний воздух был сырой и противный, а температура в этом октябре не поднималась выше десяти градусов. Ансу завхоз выдал темно-синюю телогрейку, так как осенних курток тут не было. Подходящего размера на невысокого, щуплого Анса не нашли, и в итоге он просто накинул огромную фуфайку на плечи, не залезая руками в рукава.

– Посидим на лавочке или пройдемся? – спросил Коля.

– Лучше походим, я насиделся, – сказал Анс, и они не спеша двинулись вдоль забора.

– Как вы узнали? – спросил Николай.

– Про Адама?

– Да.

– Я же сказал, в расчетах этого исхода выходка Адама была самой запоминающейся.

– Что это значит?

– А что вам непонятно?

– Все непонятно. Что такое исход?

– Перед тем как отправить меня сюда, инженеры времени рассчитывают различные исходы. Исход, что я попаду в больницу, тоже был рассчитан.

– Они рассчитывают все вплоть до таких мелочей?

– Нет, они рассчитывают исходы – ветки вероятностей, растущие из ключевых событий. Но мелочи не могут не попасть в исход. Куда деваться мелочам, ведь из них состоит жизнь.

– А какие грандиозные события в этом исходе ваши инженеры пытались рассчитать?

– Вы не совсем понимаете. Они не рассчитывают события, эта фраза вообще не имеет смысла. Они рассчитывают исходы, проистекающие из событий. К примеру, я прилетел в ваше время. Это событие. Мне нужно выполнить задание. Например, помочь человеку осуществить какой-нибудь проект, который в будущем изменит нашу жизнь. – Анс прервался, чтоб сделать вдох из баллона. – Инженеры рассчитывают исходы. Их может быть много. Я могу умереть тут, это один исход. Я могу выполнить миссию, это второй исход. Человек, на помощь к которому я пришел, может не так меня понять, вызвать полицию, и меня посадят, это третий исход и так далее. Глобальных исходов может быть несколько десятков, и каждый глобальный исход содержит еще кучу веток менее значимых.

– Но в таком случае исходов может быть бесконечное множество? Ведь менее значимые ветки будут содержать еще ме-

нее значимые ветки?

– Так и есть, но глобально они не будут отличаться друг от друга. Глобальных исходов не так много. Например, один глобальный исход связан с тем, что меня посадили в тюрьму, тогда все сотни под-исходов в тюрьме уже не будут сильно различаться друг с другом. Другой глобальный исход – меня, к примеру, убили, и тогда на этом ветка исхода обрывается для меня. Следующий исход – меня направили в психбольницу, как, собственно, и получилось, и тут тоже куча исходов, с Адамом, с порезом руки, с дракой охранника и пьяным парнем, который кинет, точнее, в другом под-исходе кинул бы через забор бутылку и попал в окно КПП. Еще был исход, где ваш главврач напился и его уволили, потому что кто-то написал жалобу и снял его на видео. И это только те исходы, что я запомнил. Но это все мелочи, и таких мини-исходов может быть бесчисленное множество, а разница их лишь в том, что – буянил Адам или нет, напился ваш главврач или нет. Подрался ли кто-нибудь где-то или нет. На мою глобальную миссию это все не влияет, а следовательно, для меня, для моей цели это все один исход.

– Я не совсем все понял, но в целом мне картина ясна. То, что вы оказались тут, это, выходит, спланировано вашими инженерами времени?

– Нет, мы ничего не планировали. Просто мы знали о таком возможном исходе.

– А что, если вы просто договорились с Адамом, чтобы он

в определенное время устроил скандал?

– А зачем мне это делать?

– Чтоб убедить меня в том, что вы из будущего? Это более вероятно, чем ваша история с исходами.

– И что мне это даст?

– Я не знаю.

– Вот и я не знаю.

– Если вы провалили миссию здесь, что вам мешает потом снова вернуться в то же время и повторить попытку? К примеру, спасти мальчика, если, конечно же, вы прилетели спасти его.

– А может, я так и сделаю.

– Вы планируете так сделать? Значит, вы провалили миссию в этот раз?

Анс начал заикаться, пытаясь что-то сказать.

– Я понял, – произнес Коля, – снова вселенная не дает.

– Да.

– Анс, если вселенная против того, чтоб я узнал, что же произошло с этим ребенком, то получается, она не даст мне самому расследовать это убийство?

– Я не знаю.

– Ну как же вы не знаете? Исходя из вашей логики, вселенная должна и меня не подпустить к этому делу. Она заставляет вас заикаться, когда вы пытаетесь мне рассказать об этом, а значит, если я узнаю, что случилось на самом деле, это вызовет какой-то парадокс в будущем, и, следовательно,

если я начну расследование, то вселенная так же начнет блокировать меня.

– Возможно, я, к сожалению, не могу знать, чего хочет вселенная.

– Вы знаете, какой исход будет у вашего пребывания тут?

– Да, я вернусь в свое время.

Николай посмотрел на наручные часы.

– Так, мне надо идти, пациентов еще много. Пойдемте, я вас провожу до палаты.

– Как скажете.

* * *

Николай вернулся с работы домой к восьми вечера. Мужчина сходил в душ и поужинал, надеясь еще успеть посетить туалет, до того как начнутся приступы паники. В начале десятого он уже лежал на заднем сиденье своего авто, слушая, как дождь барабанит по крыше.

«Или я сам схожу с ума, или Анс предсказал будущее. – Николай поправил подушку, повернулся на бок, уткнувшись лицом в спинку заднего дивана машины. – Я не верю, что они договорились с Адамом. Не знаю почему. Просто не верю, и все. Но и прилететь из будущего он не мог. Анс, без сомнения, сумасшедший, но как же он структурированно брежит. Я понятия не имею, от чего его лечить. Поступил он с шизофренией, но на шизофрению это не похоже. То есть та-

ких шизофреников я еще не встречал. В словах его нет абсурда, нет нестыковок, нелогичных моментов. Во всех других аспектах, кроме путешествий во времени, он проявляет себя адекватно, как обычный человек. Если убрать его веру в то, что он из будущего, то других симптомов и нет. Среди нас двоих я больше похож на психа, чем он: лежу в машине, потому что не могу зайти в квартиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.